

АЛЕКС СКАЙ

Няня *для* босса

или Папа строгого режима

Алекс Скай

**Няня для босса, или
Папа строгого режима**

«Литнет»

2026

Скай А.

Няня для босса, или Папа строгого режима / А. Скай —
«Литнет», 2026

Продолжение доступно по ссылке -Вера Соколова пришла в дом Романа Ветрова обычной няней. Ну почти обычной. Сначала она перепутала вход, нарушила половину правил, спасла завтрак от уныния и за один день доказала: в этом идеальном доме слишком давно никто не смеялся. Роман Ветров — богатый, властный и уверенный, что детей воспитывают порядком, расписанием и железной дисциплиной. Его сын Марк делает вид, что ему всё равно, маленькая Ася устраивает тайную операцию по перевоспитанию папы, а новая няня почему-то разговаривает с грозным боссом так, будто он самый трудный ребёнок в семье. Вера не собиралась спасать чужой дом. Роман не собирался менять свои правила. Но дети уже решили: папе нужна не просто няня. Папе срочно нужна любовь. А когда случайное школьное видео превращает строгого босса в героя соцсетей, деловая репутация Романа требует идеальной семейной картинки. Только Вера не собирается становиться временной мамой по контракту — даже если сердце всё чаще подсказывает ей остаться.

Содержание

Няня не по инструкции	5
Папа строгого режима	15
Завтрак по уставу	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Няня не по инструкции

В дом Романа Ветрова я пришла через чёрный ход, с мокрым подолом, чужой собакой на поводке и твёрдым намерением произвести впечатление спокойной, ответственной женщины.

Собака, к сожалению, была против.

Она тянула меня к воротам с такой уверенностью, будто именно её пригласили на собеседование, а я шла при ней сопровождающим персоналом. На золотистой табличке у домофона было выгравировано “Ветров”, рядом стояла камера, которая смотрела на меня с явным осуждением. Я тоже бы себя осуждала: белая блузка под пальто, папка с резюме под мышкой, туфли в грязи после лужи, волосы, которые утром назывались “мягкие локоны”, а теперь перешли в жанр “женщина боролась с погодой и проиграла”.

— Ну что, — сказала я собаке, — если меня не возьмут, ты будешь обязана написать рекомендацию.

Собака радостно вильнула хвостом и ткнула носом в мои колени.

Я понятия не имела, чья она. Минуту назад это пушистое создание выскочило из-за припаркованного внедорожника, едва не угодило под колёса курьера и решило, что я — единственный разумный человек на этой улице. С учётом того, что я разговаривала с чужой собакой перед воротами миллиардера, выбор был спорный, но милый.

На собеседование я опаздывала уже на восемь минут.

Не критично, если бы речь шла о нормальном доме. Но дом Романа Ветрова нормальным не выглядел. Он стоял за высоким забором, строгий, светлый, огромный и такой безупречно симметричный, будто его строили люди, которые даже облака над крышей выравнивали по линейке. В таких домах, наверное, тапочки сами становились парами, дети смеялись по расписанию, а пыль извинялась перед тем, как осесть.

Мне туда нужно было попасть.

Желательно — без собаки.

Я нажала кнопку домофона.

— Да? — ответил женский голос. Сухой, прямой, будто меня уже внесли в список нарушений.

— Доброе утро. Вера Соколова, на собеседование по вакансии няни.

Пауза.

— Собеседование назначено на девять тридцать.

— Да. Я знаю. Сейчас девять тридцать восемь, но у меня уважительная причина.

— Какая?

Я посмотрела на собаку.

Собака улыбалась всем своим пушистым лицом.

— У меня временно появился хвостатый свидетель того, что я умею реагировать на непредвиденные обстоятельства.

В домофоне снова повисла пауза.

— Вы с собакой?

— Технически собака со мной. Я пыталась объяснить ей, что у нас разные карьерные траектории, но она не слушает.

— Ждите.

Домофон щёлкнул и отключился.

Ворота открылись не сразу. Я успела подумать, что, возможно, это и есть первое испытание: если кандидатка на должность няни не справится с домофоном, собакой и чувством собственного достоинства, детей ей точно не доверят. Потом сбоку открылась маленькая калитка,

и на дорожку вышла женщина лет пятидесяти в тёмно-сером костюме. Настолько аккуратная, что рядом с ней мой мокрый подол стал выглядеть личным оскорблением архитектуры.

— Инга Павловна, управляющая домом, — представилась она.

— Вера Соколова. Кандидатка, временно усиленная собакой.

Инга Павловна посмотрела сначала на меня, потом на собаку, потом снова на меня.

— Животных в доме нет.

— Теперь понимаю почему. Они, наверное, боятся испортить композицию.

Её брови поднялись ровно настолько, чтобы дать понять: юмор в этом доме, скорее всего, проходил предварительное согласование.

— Собаку оставим у охраны, — сказала она.

— Отлично. Только, пожалуйста, убедитесь, что её потом вернут хозяевам, а не назначат младшим садовником.

— У нас нет младших садовников.

— Тем более. Собака не готова к карьерному росту.

Инга Павловна не улыбнулась. Зато собака радостно гавкнула, будто проголосовала за меня на выборах няни.

Пока охранник, появившийся откуда-то из бокового домика, принимал пушистого свидетеля моей гибели как кандидатки, я пыталась привести себя в порядок. Пальцами поправила волосы, стряхнула с папки капли, убедилась, что резюме не превратилось в акварель, и пошла за управляющей по ровной каменной дорожке к дому.

Чем ближе мы подходили, тем яснее я понимала: этот дом меня не любит.

Он был красивый, дорогой, просторный. С большими окнами, светлыми стенами, идеально подстриженными кустами и крыльцом, на котором можно было снимать рекламу успешной жизни без единой живой эмоции. Но в нём не было ни одной случайности. Ни велосипеда у входа, ни забытых кроссовок, ни цветного мела, ни игрушки под ногами. Дом отца двоих детей выглядел так, будто дети в нём были аккуратно спрятаны в приложение к правилам эксплуатации.

— Предупреждаю сразу, — сказала Инга Павловна, открывая дверь. — У господина Ветрова строгий порядок. Дети живут по расписанию. Любые отклонения согласуются заранее.

— Даже смех?

Она посмотрела на меня.

— Что?

— Ничего. Профессиональная реакция на слово “отклонения”.

Мы вошли в холл, и я окончательно поняла, что попала не в дом, а в очень дорогой музей, где экспонаты ещё не успели устать от своего совершенства. Мраморный пол, лестница с прозрачными перилами, огромное зеркало, тонкий аромат дерева и дорогого кофе. Ни одной лишней вещи. Ни одной криво поставленной пары обуви. Ни одного следа того, что здесь утром кто-то искал потерянный носок, спорил из-за бантика или ел печенье над диваном.

Я сама выросла в квартире, где кухня всегда знала больше тайн, чем взрослые, а подоконник служил штабом для всех жизненных решений. Поэтому такие дома меня настораживали. В них слишком много места и слишком мало звуков.

— Собеседование пройдёт в малой гостиной, — сказала Инга Павловна. — Сначала я задам несколько вопросов, затем, возможно, к нам присоединится Роман Андреевич.

— Возможно?

— Если сочтёт нужным.

— Понимаю. Я тоже иногда присоединяюсь к собственной жизни по необходимости.

Она опять не улыбнулась.

Что ж. Лёд был толстый. Но я пришла не с чайной ложкой.

Мы уже почти дошли до гостиной, когда где-то за стеной раздался детский крик:

— Я не буду это есть! Это грустная каша!

Инга Павловна закрыла глаза на одну секунду.

Очень короткую, но выразительную. Так закрывают глаза люди, которые много лет служили порядку и вдруг услышали, как порядок падает с лестницы в обнимку с плюшевым кроликом.

— Прошу сюда, — сказала она быстрее.

— Кажется, там кому-то нужна помощь с грустной кашей.

— Это не ваша зона ответственности.

— Пока нет. Но я претендую.

— Вера Сергеевна...

— Соколова. Сергеевна — слишком серьёзно для женщины, которая пришла с собакой.

Крик повторился:

— Она смотрит на меня!

— Кто? — спросил мальчишеский голос, гораздо спокойнее и язвительнее.

— Каша!

— Ася, у каши нет глаз.

— Зато у неё есть мнение!

Я остановилась.

Потому что ребёнок, который считает, что у овсянки есть мнение, — это уже не бытовая сцена. Это зов судьбы.

Инга Павловна шагнула мне наперерез.

— Завтрак детей проходит без участия посторонних.

— А бунт против овсянки тоже по расписанию?

— У нас нет бунтов.

Из кухни донеслось:

— Тогда я объявляю первый!

Я развела руками.

— Поздравляю. У вас исторический момент.

И пошла на голос.

Это, как я поняла позже, было первым официальным нарушением правил дома Ветрова.

Кухня оказалась огромной, светлой и такой стерильной, что в ней было стыдно не только уронить крошку, но и подумать о ней. За длинным островом сидела девочка лет шести с двумя хвостиками, в розовом платье и выражением лица маленькой королевы, которой подали не тот вид подданных. Перед ней стояла тарелка овсянки. Овсянка действительно выглядела грустно. Настолько грустно, что мне самой захотелось её поддержать или хотя бы украсить.

Рядом на высоком стуле сидел мальчик лет девяти. Тёмные волосы, серьёзные глаза, тонкая насмешливая складка у губ. В руках у него был телефон, направленный на сестру.

— Марк, не снимай! — возмутилась девочка.

— Я документирую начало революции, — сказал он.

— Я не революция. Я принцесса.

— Принцессы тоже иногда свергают кашу.

— Дети, — строго сказала Инга Павловна.

Оба ребёнка повернулись к нам.

Девочка сразу посмотрела на меня. Очень внимательно. С той безжалостной детской оценкой, которая за три секунды видит всё: мокрый подол, папку, волосы после собаки, попытку выглядеть уверенно и готовность вмешаться туда, куда взрослые прилично не вмешиваются.

— Ты новая няня? — спросила она.

— Пока кандидатка. Но уже вижу, что конкурс сложный.

— Ты умеешь отменять кашу?

— Нет.

Девочка разочарованно нахмурилась.

— Плохая няня.

— Я умею договариваться с кашей.

Марк опустил телефон чуть ниже.

— Это как?

Я подошла ближе, не спрашивая разрешения у Инги Павловны, что стало вторым нарушением. Посмотрела на тарелку. Овсянка лежала белёсой массой, рядом аккуратно стояли ягоды в маленькой пиале и кусочки яблока, нарезанные ровными кубиками. Всё было отдельно. Строго. Правильно. И совершенно безрадостно.

— Каша обижена, — сказала я.

Ася округлила глаза.

— Я же говорила! У неё мнение!

Марк прищурился.

— И какое?

— Она считает, что её поставили на стол без подготовки. Ни костюма, ни настроения, ни команды поддержки. Конечно, она выглядит грустной. Вы бы тоже грустили, если бы вас подали как серый понедельник.

Ася прикрыла рот ладошкой.

Инга Павловна за моей спиной произнесла:

— Вера Соколова, я вынуждена...

— Одну минуту. Мы на переговорах.

Я взяла ложку, ягоды и яблоки. Быстро выложила на каше кривую улыбку, два ягодных глаза, яблочные брови и одну особенно драматичную малину вместо носа.

— Вот. Теперь это не грустная каша. Это каша господина Строгоносова, который прибыл проверить, кто здесь главный по завтракам.

Ася сначала недоверчиво посмотрела на тарелку.

Потом на меня.

Потом снова на тарелку.

— У него нос смешной.

— Он очень переживает из-за этого, поэтому требует уважительного обращения.

— А если я его съем?

— Тогда он выполнит свою миссию и станет частью великой принцессы.

Марк фыркнул.

— Великой принцессы с кашей внутри.

— Марк! — Ася возмутилась, но уже смеялась.

И вот это был момент.

Не большой. Не красивый. Не такой, ради которого пишут семейные манифесты. Просто маленькая девочка, которая секунду назад была готова объявить войну завтраку, взяла ложку и съела малиновый нос господина Строгоносова.

— Предатель, — прокомментировал Марк.

— Он сам хотел, — сказала Ася с полным ртом.

— Не разговариваем за столом с полным ртом, — машинально произнесла Инга Павловна.

Ася тут же закрыла рот рукой, но глаза у неё смеялись.

Я поймала взгляд Марка. Он всё ещё держал телефон, но уже не снимал. Смотрел на меня оценивающе.

— Ты странная, — сказал он.

— Спасибо. В резюме это называется “гибкий подход к нестандартным ситуациям”.

— Папе не понравится.

— Папе многое, наверное, не нравится.

— Почти всё, — сказала Ася. — Особенно крошки.

— И шум, — добавил Марк.

— И когда я пою в ванной.

— Потому что ты поёшь как пожарная сирена.

— А ты вообще не поёшь!

— Потому что у меня есть чувство самосохранения.

Я посмотрела на них двоих и неожиданно для себя улыбнулась не рабочей улыбкой, а настоящей. В этом доме всё было слишком ровным, но дети оказались живыми. Просто их жизнь, похоже, всё время просила разрешения.

— Господин Ветров будет через пять минут, — сказала Инга Павловна ледяным голосом.

— Вера Соколова, пройдите в гостиную.

— Конечно.

Я повернулась к детям.

— Господин Строгоносов ждёт героического финала. Не подведите его.

Ася серьёзно кивнула и съела ещё ложку.

Марк снова поднял телефон.

— Я это оставляю.

— Для шантажа? — спросила я.

— Для истории.

— Тогда снимайте с хорошего ракурса. История не любит двойные подбородки и плохой свет.

Марк усмехнулся.

Инга Павловна издала звук, который, возможно, в её мире считался кашлем, а в моём — попыткой не сказать всё, что она думает о моей кандидатуре.

Мы вышли из кухни.

— Вы нарушили порядок завтрака, — произнесла она, едва дверь закрылась.

— Зато завтрак начали есть.

— Вы не имели права вмешиваться.

— Согласна.

Она остановилась и резко повернулась ко мне.

— И?

— И иногда лучше сначала накормить ребёнка, а потом обсуждать протокол.

— В этом доме протокол существует не случайно.

— Я поняла. Тут режим такой строгий, что даже подушки боятся лежать неровно.

Я сказала это тихо.

Почти себе под нос.

Но, как выяснилось через секунду, у больших домов с идеальной акустикой есть чувство юмора. Очень плохое.

Потому что именно в этот момент в дверях кухни за моей спиной снова появился Марк. С телефоном в руке. Камера была включена.

— Повторите, — попросил он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я хочу получить работу, а не стать легендой вашего семейного чата.

— Поздно, — сказал Марк.

И тут из глубины холла раздался мужской голос:

— Что именно поздно?

Если бы дом Ветрова был живым существом, он бы в эту секунду вытянулся по стойке смирно.

Инга Павловна сразу выпрямилась.

Марк опустил телефон, но не спрятал. Ася выглянула из кухни с ложкой в руке и виноватой улыбкой человека, который ел нос важного кашевого господина.

Я повернулась.

Роман Ветров оказался именно таким, каким должен быть мужчина, в доме которого даже подушки подозреваются в нарушении дисциплины. Высокий, тёмноволосый, в идеально сидящем костюме, с лицом человека, который привык, что мир не шумит без разрешения. Он шёл по холлу спокойно, но от его спокойствия почему-то хотелось проверить, ровно ли стоишь.

На фотографиях в сети он выглядел холодным и дорогим.

Вживую — ещё хуже.

Потому что к холодности добавлялось присутствие. Тяжёлое, собранное, точное. Он не повышал голос, не хмурился театрально, не размахивал властью. Она просто была при нём, как дорогие часы на запястье. И, кажется, тикала по его внутреннему расписанию.

— Роман Андреевич, — сказала Инга Павловна, — Вера Соколова прибыла на собеседование с опозданием и без согласования вмешалась в завтрак детей.

Прекрасно. Краткое содержание моей гибели.

Роман Ветров посмотрел на меня.

Не сверху вниз, хотя мог бы. Просто прямо. Взвешивая. Оценивая. Упаковывая в одну из своих внутренних папок с названием “неподходящие”.

— Вера Соколова, — произнёс он.

— Да.

— Вы опоздали.

— На восемь минут.

— Опоздание не становится меньше от точности.

— Зато честнее.

Инга Павловна напряглась.

Марк тихо сказал:

— Началось.

Ася шепнула:

— Она смелая.

Роман перевёл взгляд на детей.

— Почему вы не за столом?

— Я ела! — быстро сказала Ася, демонстрируя ложку. — Господина Строгоносова.

Роман посмотрел на тарелку, которую было видно через открытую дверь кухни.

— Кого?

Марк поднял телефон чуть выше.

— Кашу. Теперь она с личностью.

— Марк, телефон.

Мальчик нехотя убрал его в карман.

Роман снова посмотрел на меня.

— Вы дали каше имя?

— Не совсем. Я помогла ей обрести публичный образ.

— Овсянке.

— У каждого бренда сложный старт.

На лице Романа ничего не изменилось. Совсем. Но где-то в глубине его взгляда, кажется, одна маленькая строгая шестерёнка пропустила движение.

— Инга Павловна, дети должны закончить завтрак, — сказал он.

— Разумеется.

— Марк, телефон после завтрака отдашь мне.

— Но...

— Марк.

— Это несправедливо. Я снимал исторический материал.

— Именно поэтому.

Марк надулся, но спорить не стал. Ася показала мне из-за спины Инги Павловны большой палец и вернулась к столу.

Я осталась в холле перед Романом Ветровым, с мокрым подолом, без собаки, зато с ощущением, что собеседование уже состоялось, и по его итогам меня внесли в список угроз домашней системе безопасности.

— Пройдёмте, — сказал он.

Не “пожалуйста”.

Просто направление.

Я пошла за ним в малую гостиную. Она, конечно, тоже была безупречна. Светлая мебель, низкий стол, огромные окна, книжные полки, на которых книги стояли так ровно, будто боялись быть прочитанными.

Роман сел в кресло.

Мне указал на диван напротив.

Я села, положила папку на колени и внезапно почувствовала себя школьницей у директора. Не потому, что он пытался меня подавить. А потому, что весь этот дом будто был построен из слова “нельзя”.

— Ваше резюме, — сказал он.

Я протянула папку.

Он открыл, быстро просмотрел. Слишком быстро, как человек, который умеет выхватывать главное и не тратить время на украшения.

— Педагогическое образование, опыт работы с детьми, семейное сопровождение, организация детских мероприятий, рекомендации. Почему вы ищете работу няней на полный день?

— Потому что мне нужна стабильная работа, а вашим детям, судя по завтраку, нужен человек, который не боится овсянки.

— Моим детям нужен порядок.

— У них уже есть порядок.

— И вы считаете это проблемой?

Я посмотрела на него.

Можно было ответить осторожно. Сказать что-нибудь мягкое про индивидуальный подход, возрастные особенности, эмоциональный климат и важность бережной адаптации. У меня даже были такие фразы в голове. Они выглядели прилично и, возможно, давали шанс уйти отсюда с остатками профессиональной репутации.

Но я вспомнила Асю, которая объявляла бунт грустной каше. Марка, снимавшего революцию, потому что в доме, кажется, не так много происходило. И этот холл, где не было ни одной случайной детской вещи.

— Я считаю проблемой, когда порядок важнее людей, которые в нём живут, — сказала я. Роман отложил резюме.

— Вы делаете выводы после десяти минут в моём доме?

— Нет. После восьми минут опоздания, собаки, каши и двух детей, которые явно умеют смеяться, но почему-то делают это как мелкое нарушение.

— Вы слишком свободно высказываетесь для кандидатки.

— А вы слишком строго допрашиваете человека, который заставил вашего ребёнка съесть завтрак.

Он чуть наклонил голову.

— Вы всегда спорите с потенциальными работодателями?

— Только если они начинают первыми.

— Я не начинал спор.

— Вы вошли в холл как человек, который выиграл спор ещё до моего появления.

Несколько секунд он молчал.

Я тоже.

Где-то за дверью послышался детский смех. Быстрый, звонкий. Потом голос Инги Павловны:

— Ася, ложку держим ровно.

И Ася, с явно набитым энтузиазмом ртом:

— Господин Строгоносов сопротивляется!

Роман услышал.

Я увидела, как его взгляд на долю секунды дрогнул. Не смягчился. Нет. Роман Ветров не был человеком, который смягчается с первой ложки каши. Но он услышал смех дочери. И этот звук, похоже, попал туда, куда мои слова пока не могли.

— Вы понимаете, что работа в моём доме предполагает правила? — спросил он.

— Да.

— Строгий график.

— Понимаю.

— Отсутствие самостоятельности.

— Вот с этим будут сложности.

— Тогда зачем вы здесь?

Я посмотрела на него честно.

— Потому что вашим детям нужен не человек, который будет выполнять расписание как робот. Им нужен взрослый, который умеет соблюдать важное и оживлять мёртвое.

— В моём доме нет ничего мёртвого.

Я не стала отвечать сразу.

Иногда пауза говорит лучше колкости.

— Тогда пусть он звучит живее, — сказала я наконец.

Роман поднялся.

Я решила, что всё.

Сейчас он поблагодарит за визит, сообщит, что мои данные останутся в базе, и попросит Ингу Павловну провести меня к выходу, где собака, возможно, уже получила должность и перестала меня ждать.

Он подошёл к окну.

— У меня двое детей, Вера Соколова. У них есть школа, занятия, расписание, требования. Я не могу позволить хаос.

— Хаос уже есть. Просто сейчас он тихий.

Он обернулся.

— Вы очень уверены в себе.

— Не очень. Просто я уже видела дома, где взрослые путают тишину с благополучием.

Это было слишком лично.

Я поняла по тому, как он посмотрел. Не на резюме. Не на мой мокрый подол. На меня. Как будто впервые за разговор увидел не кандидатку с лишним языком, а человека, который говорит не из желания блеснуть.

— У вас есть дети? — спросил он.

— Нет.

— Тогда откуда такие выводы?

— Из работы. Из семей, где я была. Из детей, которые умеют вести себя идеально и при этом ждут, когда кто-нибудь спросит, чего они на самом деле хотят.

— И чего хотят мои дети?

— Пока? Чтобы папа иногда приходил не как проверяющий.

Слова вышли тише, чем я планировала.

И сильнее.

Роман Ветров молчал.

За дверью снова засмеялась Ася. Марк что-то сказал, не разобрать, но в голосе была та самая мальчишеская насмешка, в которой уже не было прежней скуки.

Роман сел обратно.

Взял моё резюме.

Закрыл папку.

— Испытательный срок — две недели, — сказал он.

Я моргнула.

— Простите?

— Рабочий день обсуждается с Ингой Павловной. Доступ к расписанию получите сегодня. Никаких публикаций, никаких съёмок детей, никаких изменений в режиме без согласования.

— Я ещё не согласилась.

Он посмотрел на меня так, будто эта возможность даже не была внесена в систему.

— Вы пришли на собеседование.

— А вы собирались меня выгнать.

— Передумал.

— Из-за каши?

— Из-за смеха.

Вот тут я почему-то не нашлась сразу.

Роман сказал это сухо, без попытки выглядеть трогательно. Но именно поэтому фраза прозвучала честнее, чем если бы он вдруг начал рассказывать о чувствах к детям на фоне книжных полок.

Я осторожно улыбнулась.

— Две недели?

— Две недели.

— И если я нарушу правила?

— Я вас уволю.

— А если правила окажутся глупыми?

— Вы сначала докажете.

— Люблю ясные условия.

— Я — тоже.

Мы посмотрели друг на друга, и в этот момент я ясно поняла: лёгкой эта работа не будет. В этом доме придётся спорить с расписанием, с управляющей, с двумя детьми, которые слишком многое скрывают за смехом и язвительностью, и с мужчиной, который считает контроль формой заботы.

А ещё, возможно, с собой.

Потому что Роман Ветров был опасен не только властью. С властью я как-нибудь справилась бы. Опаснее было то, что за его холодностью мелькнуло что-то живое, когда он услышал смех дочери.

И я, к своему большому неудовольствию, захотела услышать это снова.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна на испытательный срок.

— Отлично.

— Но у меня тоже есть условие.

Он приподнял бровь.

— Уже?

— Лучше сразу. Я не работаю декорацией при идеальном доме. Если вы хотите няню, которая будет молча поддерживать витрину, я не подойду. Если вам нужен человек, который поможет детям жить, а не только соблюдать расписание, тогда попробуем.

Роман Ветров смотрел на меня долго.

Потом сказал:

— Попробуем.

В этот момент дверь распахнулась, и в гостиную влетела Ася с пустой тарелкой в руках.

— Папа! Я победила господина Строгоносова!

За ней появился Марк, уже без телефона, но с выражением человека, который всё равно всё запомнил.

Инга Павловна стояла позади детей и выглядела так, будто в её мире только что отменили несколько важных законов.

Роман посмотрел на пустую тарелку.

Потом на Асю.

— Молодец.

— Это Вера придумала! Она будет нашей няней?

Марк скрестил руки.

— Надеюсь, да. Иначе революция потеряет лидера.

— Марк, — сказал Роман.

— Что? Я объективен.

Ася подбежала ко мне и без предупреждения обняла за талию. Маленькие руки, тёплые, липкие после завтрака, вцепились так крепко, будто я уже давно была частью этого странного, слишком тихого дома.

— Ты останешься? — спросила она.

Я посмотрела на Романа.

Он смотрел на дочь.

Не на липкие пальцы на моём пальто, не на нарушенную дистанцию, не на то, что в гостиной стало шумно.

На дочь.

И в его лице снова дрогнуло что-то живое.

— На две недели, — сказала я. — А дальше посмотрим, кто кого перевоспитает.

— Папу! — радостно заявила Ася.

— Дом, — поправил Марк.

— Кашу, — добавила я.

Роман Ветров посмотрел на нас троих, как на стихийное бедствие, уже проникшее в его гостиную без согласования.

— Вера Соколова, — произнёс он.

— Да, Роман Андреевич?

— Добро пожаловать в дом.

Я улыбнулась.

— Спасибо. Постараюсь не сломать ваш режим сразу.

Он посмотрел на Асю, на Марка, на пустую тарелку и, кажется, понял то же, что и я.

Сразу уже не получилось.

Папа строгого режима

В доме Романа Ветрова правила жили не на бумаге.

Они жили в воздухе, в идеально ровных шторах, в бесшумных дверях, в подушках, которые и правда, кажется, боялись лежать неровно. Они прятались в расписании на стене кухни, в аккуратных коробках для игрушек, в одинаковых стеклянных банках с крупами, на которых были наклейки красивым строгим шрифтом. Даже детские карандаши в пенале у Аси, как выяснилось, лежали по оттенкам. Я сначала решила, что это шутка.

Потом увидела, что розовый стоит между светло-розовым и коралловым, и поняла: нет, это не шутка. Это Ветровы.

После официального “добро пожаловать в дом” меня передали Инге Павловне на вводный инструктаж. Роман Андреевич ушёл в кабинет, дети отправились переодеваться перед занятиями, а я осталась в холле с папкой, мокрым подолом и странным ощущением, что меня только что наняли не няней, а диверсантом в царство порядка.

— Рабочий график будет согласован отдельно, — сказала Инга Павловна, ведя меня по коридору. — На время испытательного срока вы приходите к восьми утра и уходите после вечернего блока занятий, если Роман Андреевич не внесёт изменений.

— Вечерний блок занятий звучит так, будто дети строят мост или готовятся управлять страной.

— Марк занимается английским, шахматами и математическим кружком. Ася — музыкой, творческой студией и подготовкой к школе.

— А когда они просто дети?

Инга Павловна остановилась у большой белой двери.

— У них есть свободное время.

— По расписанию?

— Разумеется.

Я кивнула.

— Свободное время по расписанию. Звучит почти свободно.

Управляющая посмотрела на меня так, будто у неё в голове открылся список причин, по которым меня не стоило впускать дальше кухни. К счастью, она была профессионалом, поэтому вместо списка выдала планшет.

— Здесь основные правила дома. Ознакомьтесь.

Я взяла планшет.

На экране был документ с названием “Регламент сопровождения детей”.

Регламент.

У детей.

Я пролистала.

Подъём — 7:00.

Завтрак — 7:30.

Выход в школу — 8:10.

Возвращение — 15:30.

Полдник — 15:45.

Домашние задания — 16:00.

Дополнительные занятия — 17:00.

Свободное время — 18:30–19:00.

Ужин — 19:00.

Подготовка ко сну — 20:15.

Сон — 21:00.

Ниже шли подпункты.

“Не допускать шумных игр в общих зонах”.

“Не поощрять спонтанные изменения режима”.

“Не использовать сладкое как способ мотивации”.

“Не давать детям обещаний без согласования”.

“Не обсуждать при детях решения Романа Андреевича”.

“Не позволять Марку снимать домашние события без разрешения”.

“Не допускать переименования предметов обихода”.

Я подняла глаза.

— Последнее появилось сегодня?

— Да.

— Господин Строгоносов уже вошёл в историю.

— Вера Сергеевна...

— Соколова. И да, я поняла. Овсянку больше не крестим без согласования.

Инга Павловна выдохнула.

Не глубоко. Очень аккуратно. Даже усталость у неё, кажется, проходила по внутреннему протоколу.

— Я понимаю, что вы привыкли к более свободному стилю работы. Но в этом доме ценят стабильность.

— Стабильность — хорошая вещь, — сказала я. — Когда она не душит.

— Детям нужен порядок.

— Детям нужен взрослый, которому можно верить. Порядок прилагается.

— Роман Андреевич считает иначе.

— Я уже заметила.

Она открыла дверь.

— Это игровая.

Игровая была размером с мою прежнюю квартиру. Светлая, просторная, дорогая, с мягким ковром, полками, книгами, настольными играми и большим столом для творчества. Всё красивое. Всё качественное. Всё по местам.

Слишком по местам.

Кукольный домик стоял так, будто в нём никогда не случалось семейных скандалов между игрушечными жителями. Машинки Марка были выстроены рядами, как автопарк на проверке. Конструктор лежал в прозрачных контейнерах по цветам. На стене висела пробковая

доска, но на ней были не рисунки, не детские фотографии, не кривые открытки, а аккуратный лист: “План недели”.

Я прошла внутрь и увидела маленькую фигурку динозавра, спрятанную за книгами. Динозавр был зелёный, с жёлтым животом и выражением лица, которое говорило: “Я единственный выживший в этом царстве порядка”.

— А это кто? — спросила я.

Инга Павловна взглянула.

— Игрушка Аси. Должна быть в контейнере с животными.

— Кажется, он сбежал из режима.

— Пожалуйста, верните на место.

Я взяла динозавра, но вместо контейнера поставила его на край полки, рядом с глобусом.

— Пусть пока изучает мир. Контейнер подождёт.

— Вера Сергеевна.

— Инга Павловна, я обещаю не устраивать игрушечный переворот в первый рабочий час.

— Вы уже назвали кашу господином.

— Это был вынужденный дипломатический шаг.

За дверью послышались шаги, и в игровую заглянула Ася. Она уже переоделась: розовое платье сменилось на светлый свитер и юбку, хвостики остались, а на лице было выражение ребёнка, который делает вид, что случайно оказался там, где ему ужасно интересно.

— Ты уже работаешь? — спросила она.

— Официально — да. Неофициально — пытаюсь понять, где в вашем доме прячется веселье.

Ася вошла и закрыла дверь плечом.

— Оно иногда прячется в Маркиной комнате.

— А в твоей?

— У меня веселье конфискуют.

Инга Павловна строго произнесла:

— Ася, у тебя через десять минут занятие с педагогом.

— Я знаю. Я пришла проверить, Вера настоящая или её уже уволили.

— Пока настоящая, — сказала я. — Увольнение отложено до следующего нарушения.

Ася подошла ближе, увидела динозавра у глобуса и просияла.

— Это Семён!

— У него есть имя?

— Конечно. Он путешественник.

— А почему он в контейнере с животными?

Ася понизила голос:

— Потому что Инга Павловна не любит, когда он стоит на пианино.

— Он там стоит?

— Иногда. Он слушает музыку.

Инга Павловна выпрямилась.

— Динозавр не слушает музыку, Ася.

— Откуда вы знаете? Вы же не динозавр.

Я кашлянула, чтобы не рассмеяться.

Это было сложно. Очень. У Аси был талант задавать вопросы, от которых взрослые теряли величие.

— Ася, — сказала Инга Павловна, — идёте.

Девочка вздохнула.

— А ты будешь здесь, когда я вернусь?

— Буду.

— А ты не станешь скучной?

— Я постараюсь, но если меня заставят читать регламент вслух, не обещаю.

Ася серьёзно кивнула, будто приняла важное обещание, и ушла вслед за управляющей. Я осталась в игровой одна.

Ну, почти одна. Семён-динозавр смотрел на меня с полки, и я поклялась себе, что хотя бы его не сдам обратно в контейнер без боя.

После игровой была детская комната Аси — светлая, пастельная, красивая, почти журнальная. Там было всё, что положено маленькой девочке из очень обеспеченного дома: кровать с балдахином, шкаф с платьями, полки с книгами, домик для кукол, кукольная посуда, мягкие игрушки. И снова — слишком аккуратно. Даже плюшевый заяц сидел на кресле так прямо, будто проходил собеседование в совет директоров.

Комната Марка оказалась другой.

Тёмно-синяя, с картой мира на стене, книжными полками, моделями машин и большим столом. На столе лежали учебники, ноутбук, несколько деталей конструктора и блокнот, который Марк успел закрыть в ту секунду, когда мы вошли.

— Стучаться не учили? — спросил он.

Инга Павловна сказала:

— Марк, это Вера Соколова. Она будет...

— Я знаю. Няня на испытательном сроке. Уже слышал.

— Здравствуйте, Марк, — сказала я. — Ваша комната выглядит как штаб человека, который готовит побег, но пока выбирает маршрут.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Я никуда не бегу.

— Хорошо. Значит, маршрут просто для общего развития.

Инга Павловна сделала шаг вперёд.

— Марк, через пятнадцать минут у тебя занятие онлайн.

— Помню.

— Телефон после завтрака ты должен был отдать Роману Андреевичу.

Марк медленно достал телефон из кармана и положил на стол.

Слишком спокойно.

Так спокойно ведут себя дети, которые уже успели сохранить главное в другом месте.

Я не сказала этого вслух.

Во-первых, я была новичком. Во-вторых, мне хотелось прожить в этом доме хотя бы до обеда.

Когда мы вышли из комнаты, я спросила:

— У Марка есть друзья?

Инга Павловна ответила не сразу.

— В школе.

— А дома?

— Он занимается. У Романа Андреевича высокие требования к образованию детей.

— Я спросила про друзей, не про требования.

— Друзья приходят редко. Дом — не место для шума.

— Интересная концепция. Дом как музей тишины.

— Вы слишком многое комментируете.

— Это профессиональное. Слова сами выходят, когда видят несправедливость.

— Здесь нет несправедливости.

Я посмотрела на закрытую дверь Марка.

— Пока не уверена.

К обеду я уже знала, где в доме лежат запасные альбомы, почему Ася не любит голубую чашку, какой стул на кухне Марк считает “нормальным”, а какой “для людей без будущего”, и что Инга Павловна способна появляться в дверях абсолютно бесшумно. Последнее пугало больше всего. Я трижды оборачивалась и видела её там, где секунду назад был воздух. Возможно, это тоже было частью режима: управляющая материализуется при первых признаках хаоса.

Роман Ветров большую часть дня провёл в кабинете. Я видела его дважды: один раз он прошёл через холл с телефоном у уха, сухо сказал кому-то “нет, это не обсуждается” и кивнул мне так, будто проверил, не разнесла ли я дом. Второй раз появился у кухни, когда Ася пыталась убедить меня, что брокколи — это “маленькие деревья, которые надо спасти от тарелки”. Я почти ожидала, что он вмешается.

Но Роман остановился у двери.

Посмотрел.

Не сказал ничего.

Ася, заметив его, тут же выпрямилась.

— Я ем.

— Вижу.

— Просто деревья думают.

— Деревья?

Она кивнула на тарелку.

Роман медленно перевёл взгляд на меня.

— Я не давала им имён, — сказала я. — Только политическое убежище.

— Политическое? — переспросил он.

— В тарелке сложная обстановка.

Марк, сидевший напротив, тихо фыркнул.

Роман посмотрел на сына.

Марк сразу уткнулся в вилку, но поздно. Смех уже случился.

И Роман это увидел.

Он не улыбнулся. Но и не оборвал. Просто стоял ещё пару секунд, будто не знал, что делать с этой маленькой трещиной в расписании, через которую в дом проникал нормальный обед.

— Через двадцать минут у Марка занятие, — сказал он наконец.

— Он помнит, — ответила я.

— И Ася должна закончить обед.

— Работаем над спасением деревьев.

— Не затягивайте.

— Деревья тоже за дисциплину.

Он ушёл.

Ася проводила его взглядом и шепнула:

— Папа почти не рассердился.

Марк сказал:

— Это у него праздничная версия.

— У папы бывает праздничная версия? — спросила я.

— Нет, — ответили дети хором.

Вот тогда я впервые по-настоящему поняла, насколько глубоко этот дом привык жить на цыпочках. Они не боялись Романа в обычном смысле. Он не кричал, не срывался, не был страшным злодеем из детских кошмаров. Но его порядок был таким плотным, что дети уже научились подстраиваться заранее: говорить тише, смеяться короче, просить меньше, хотеть аккуратнее.

Иногда ребёнку не нужно запрещать радость.

Достаточно сделать её неудобной.

После обеда начался мой главный экзамен: свободное время.

Те самые тридцать минут между занятиями и ужином, которые в расписании назывались свободными. Я наивно решила, что в свободное время дети сами выбирают, чем заниматься. Ошибка. Ветровский дом быстро объяснил мне, что свобода здесь тоже имеет рамки, коврик и лимит громкости.

— Можно настольную игру, чтение, рисование или прогулку по саду, — перечислила Инга Павловна. — Без бега.

— Почему без бега?

— Можно испачкаться.

— В саду?

— Да.

— Коварное место.

Марк сидел на диване в игровой и листал книгу, но по лицу было видно: он читает только глазами, а голова у него где-то совсем в другом месте. Ася стояла рядом с полкой игрушек и смотрела на контейнеры так, будто перед ней не игрушки, а выбор профессии.

— А во что вы хотите? — спросила я.

Дети посмотрели на Ингу Павловну.

Не на меня.

На неё.

И вот это было хуже любой грустной каши.

— Не что можно, — уточнила я. — Что хотите?

Ася осторожно подняла руку.

— Построить замок из подушек.

Инга Павловна сразу сказала:

— Подушки из гостиной не используются для игр.

— А из игровой? — спросила я.

— Для сидения.

— А если они мечтают о карьере в архитектуре?

— Подушки не мечтают.

— В этом доме я уже ничему не удивлюсь.

Марк закрыл книгу.

— Папа не разрешит.

— Мы спросим.

— Он скажет нет.

— Возможно.

— Тогда зачем спрашивать?

Вопрос был произнесён спокойно, но под ним лежало столько привычного разочарования, что я села рядом с ним на край дивана.

— Потому что иногда взрослые говорят “нет” не потому, что так правильно, а потому что привыкли. И если не спрашивать, они никогда не заметят разницу.

Марк посмотрел на меня так, будто я предложила ему поверить в чудо с плохой доказательной базой.

— Папа всегда замечает разницу.

— Между чем?

— Между тем, как должно быть, и как есть.

— Тогда попробуем показать ему, что “как есть” тоже иногда ничего.

Ася уже сияла.

— Мы построим замок?

— Сначала — согласование, — сказала я и поднялась. — Я же ответственная взрослая.

— Ты? — Марк скептически поднял бровь.

— В глубине души. Очень глубоко. Не копайте без разрешения.

Роман нашёлся в кабинете.

Я постучала.

— Войдите, — сказал он.

Кабинет был таким, каким я его представляла: тёмное дерево, большой стол, книги, экран с графиками, серое кресло, несколько папок, ноутбук и ни одной случайной вещи. За окном — сад. На столе — часы, ручка, документы. Даже чашка кофе стояла так, будто проходила аттестацию.

Роман поднял глаза от ноутбука.

— Что-то случилось?

— Да. Свободное время напало на детей и требует содержания.

— Простите?

— Ася хочет построить замок из подушек. Марк считает, что вы не разрешите. Инга Павловна уверена, что подушки не мечтают. Я пришла как дипломатическая миссия.

Он молчал пару секунд.

— Замок из подушек?

— Детская классика. Развивает фантазию, координацию, командную работу и навык вести переговоры с взрослыми, которые считают подушки мебелью.

— В гостиной?

— В игровой. Мы же не варвары.

— Подушки потом вернут на место?

— Если замок не объявит независимость.

— Вера Соколова.

— Да, Роман Андреевич?

— Вы умеете отвечать прямо?

— Умею. Но тогда жизнь становится короче и скучнее.

Он откинулся в кресле.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем вам нужен этот замок?

— Мне — не нужен. Асе нужен. Марк думает, что всё равно нельзя, и это мне не нравится.

Детям полезно иногда видеть, что их желания не всегда мешают порядку.

— Если разрешить одно, они будут просить больше.

— Да.

— Вы не видите в этом проблемы?

— Вижу. Придётся научиться разговаривать, а не просто запрещать. Неприятно, понимаю.

В его взгляде мелькнуло предупреждение.

— Вы снова спорите.

— Я делаю свою работу.

— Ваша работа — присматривать за детьми.

— Нет. Моя работа — помогать им быть детьми в доме, где даже свободное время проходит по строю.

Он встал.

Медленно.

Я успела подумать: всё, конец испытательного срока вышел быстрым и бесславным. Сейчас меня попросят к выходу, собака у охраны, возможно, обрадуется. Но Роман подошёл не ко мне, а к окну. Посмотрел в сад. Потом сказал:

— Вы считаете меня холодным отцом.

Фраза прозвучала не как вопрос.

Я могла соврать.

Могла смягчить.

Могла сказать: “Нет, что вы, просто строгим”. Но если уж меня наняли после каши с личностью, поздно изображать мебель.

— Я считаю, что вы очень стараетесь быть хорошим отцом через контроль, — сказала я. — Но дети не всегда считают контроль как заботу.

— А что они считают?

— Что всё важнее их желания. Расписание. Чистота. Тишина. Правильность.

Он повернулся.

— У них есть всё необходимое.

— Кроме права иногда быть неудобными.

Роман посмотрел на меня так, будто это слово зацепилось.

Неудобными.

Наверное, для человека, построившего жизнь на удобных процессах, оно звучало почти как угроза.

— Дети должны понимать границы, — сказал он.

— Конечно. Но граница — это не стена от пола до потолка. Это линия, рядом с которой взрослый объясняет: здесь можно, здесь нельзя, а здесь давай попробуем вместе.

— Вы слишком мягкая.

— А вы слишком холодный.

Сказала.

Прямо.

Без украшений.

В кабинете стало очень тихо. Даже экран с графиками словно решил не двигаться.

Роман смотрел на меня долго, а я уже мысленно проверяла, успела ли оставить в прихожей мокрые туфли или они уйдут вместе со мной как вещественное доказательство неудачной карьеры в богатом доме.

— Возможно, — сказал он наконец.

Я не сразу поняла, что именно он сказал.

— Что?

— Возможно, я слишком холодный.

Вот тут я действительно чуть не села. Не потому, что фраза была нежной. Она была произнесена тем же ровным, деловым голосом, каким он, наверное, утверждал строительные сметы. Но для Романа Ветрова это было почти публичное признание, только без публики.

— А вы, возможно, слишком мягкая, — добавил он.

— Справедливо. Зато между нами есть шанс найти температуру, при которой дети не превращаются в ледяные скульптуры и не устраивают пожар из подушек.

— Вы уверены?

— Нет. Но у меня хорошие рекомендации.

Он снова посмотрел в окно.

— Замок можно. Только в игровой. Тридцать минут. После этого всё возвращается на место.

Я улыбнулась.

— Вижу, переговоры прошли успешно.

— И без беготни.

— Замок без беготни — это почти дворцовый переворот на цыпочках, но попробуем.

— Вера.

— Да?

— Если что-то разобьётся...

— Я скажу, что виноваты подушки. У них давно был мятежный потенциал.

Он почти улыбнулся.

Почти.

Снова эта маленькая трещина в строгом лице. Крошечная, редкая, но настоящая. И мне почему-то стало неприятно приятно от того, что я её заметила.

Я вышла из кабинета до того, как успела сказать что-нибудь лишнее.

В игровой дети ждали как перед оглашением приговора.

— Ну? — спросил Марк.

— Замок разрешён.

Ася запрыгала.

— Правда?

— В игровой. Тридцать минут. Потом всё возвращаем. Без беготни.

— Это не замок, а ипотека, — сказал Марк.

— Отличная шутка для девяти лет. Меня пугает ваш уровень сарказма.

— Меня тоже, — сказал он.

Мы строили замок из подушек двадцать семь минут.

Да, я считала.

Потому что в этом доме даже революция должна была уважать часы, иначе революцию уволят раньше ужина. Замок получился кривой, мягкий, с двумя входами, одним “секретным коридором” между креслом и пуфом и тронем из пледа, на который Ася торжественно усадила Семёна-динозавра.

— Он король? — спросила я.

— Нет, — сказала Ася. — Он советник. Королева я.

— А Марк?

— Главный по безопасности.

Марк сидел у стены и вроде бы делал вид, что участвует из снисхождения, но когда одна из подушек падала, он поправлял её быстрее всех.

— А Вера? — спросила он.

Ася задумалась.

— Вера — главная по папе.

— Опасная должность, — сказал Марк.

— Невозможная, — добавила я.

— Значит, тебе подходит, — сказал он.

Я посмотрела на него.

Марк тут же отвернулся и начал поправлять плед. Но я успела заметить: это было почти признание. Не дружба, нет. С Марком такие слова, вероятно, проходили через строгий внутренний отбор. Но, может быть, мне разрешили подойти на шаг ближе.

Когда тридцать минут истекли, Ася попыталась заявить, что замок — исторический объект и его нельзя разрушать. Марк поддержал её юридическим термином “культурная ценность”, который явно не соответствовал его возрасту, но отлично соответствовал семье Ветровых.

— Исторические объекты тоже реставрируют, — сказала я. — Сейчас реставрируем комнату до состояния “Инга Павловна не потеряет веру в человечество”.

— Она уже потеряла, — сказал Марк.

— Тогда вернём хотя бы половину.

Мы убрали всё на места.

Почти.

Семёна я оставила на полке рядом с глобусом. Ася заметила, прижала палец к губам и шепнула:

— Это секрет.

— Дипломатический, — согласилась я.

К вечеру я устала так, будто не два часа работала няней, а вручную переставляла дом Ветрова с режима “музей” на режим “семья”. Но странно — усталость была не пустой. В ней было что-то тёплое, живое. Как после хорошего дня, где ты сделал не всё идеально, зато что-то настоящее.

Перед ужином Роман снова появился в кухне.

Дети уже сидели за столом. Марк листал книгу, Ася рассказывала мне, что Семён-динозавр в будущем станет путешественником и откроет остров, где взрослые не говорят “потом”.

— Хороший остров, — сказала я. — Я бы взяла туда билет.

— Папу тоже возьмём, — заявила Ася.

Марк поднял глаза.

— Его не пустят. У него паспорт строгий.

Роман остановился у двери.

— Что за остров?

— Где взрослые не говорят “потом”, — объяснила Ася. — Ты можешь поехать, если научишься.

— Чему?

Она задумалась.

— Не быть папой строгого режима.

За столом повисла пауза.

Инга Павловна, ставившая салат, застыла. Марк опустил книгу. Я внутренне приготовилась спасти ситуацию, если Роман воспримет детскую фразу как нарушение уважения к родительской власти.

Но он посмотрел на Асю.

Не холодно.

Не строго.

Просто внимательно.

— А какой я должен быть? — спросил он.

Ася тут же растерялась. Она явно не ожидала, что папа не прикажет закончить ужин, а задаст вопрос.

— Ну... — Она посмотрела на меня, потом на Марка. — Немножко нормальный.

Марк тихо хмыкнул.

— Конкретнее, Ася. Папа любит конкретику.

— Чтобы ты иногда смеялся, — сказала она. — И не говорил всё время “потом”. И чтобы можно было построить замок не как преступники.

— Мы не были преступниками, — сказал Марк. — Мы были архитектурным объединением.

Роман перевёл взгляд на меня.

— Архитектурным?

— Я не утверждала название, — быстро сказала я. — Это была инициатива снизу.

— Конечно.

Он сел за стол.

Не во главе, как я ожидала, а рядом с Асей.

Инга Павловна заметно удивилась. Дети тоже. Я — больше всех, но у меня уже была тренировка скрывать лица после общения с кашами.

— Расскажите про замок? — спросил Роман.

Ася ожила мгновенно. Она начала говорить быстро, сбиваясь, размахивая руками. Про Семёна, трон, секретный коридор, Марка-главного-по-безопасности и меня, назначенную главной по папе. На последнем Роман поднял брови.

— Главная по папе?

— Это временная должность, — сказала я. — Без права подписи.

— Надеюсь.

— А я нет, — буркнул Марк.

Роман посмотрел на сына.

— Почему?

Марк пожал плечом.

— Потому что кто-то должен говорить тебе, что ты иногда слишком... — Он замолчал.

— Слишком что? — спросил Роман.

Марк уткнулся в тарелку.

— Ничего.

Я увидела, как быстро он закрылся. Слишком быстро. Одно мгновение — и мальчик, который шутил про архитектурное объединение, снова стал осторожным.

Роман тоже увидел.

И, кажется, не понял, что делать.

— Слишком главный, — сказала Ася вместо брата.

— Ася, — тихо произнёс Марк.

— Что? Он же главный. Даже ложки его боятся.

Я не выдержала и улыбнулась.

Роман посмотрел на ложку рядом с тарелкой. Потом на меня.

— Ложки тоже участвуют в заговоре?

— В этом доме, Роман Андреевич, даже столовые приборы ждут перемен.

И вот тогда случилось почти чудо.

Роман Ветров улыбнулся.

Не широко. Не так, чтобы стены рухнули, а Инга Павловна схватилась за стул. Просто уголки губ дрогнули, взгляд стал теплее на одну короткую секунду, и дети заметили это раньше меня.

Ася даже ложку выронила на салфетку.

— Папа улыбнулся! — прошептала она так, будто увидела редкую птицу.

Роман тут же снова стал серьёзным.

— Ася, ешь.

— Нет, подожди, это важное! Марк, ты видел?

— Видел, — сказал Марк. — Надо было снимать.

— Телефон у меня, — напомнил Роман.

— Вот поэтому история страдает.

Я сидела за столом в доме, где утром меня чуть не выгнали из-за овсянки, и понимала: испытательный срок будет гораздо сложнее, чем я думала. Потому что дело было не только в детях. И не только в строгом папе. Дело было в том, что этот дом действительно мог стать живым.

А это значило, что, если я ошибусь, больно будет уже не только мне.

После ужина Роман попросил меня задержаться на пять минут. Дети отправились наверх с Ингой Павловной, хотя Ася пыталась убедить всех, что Вера должна почитать ей сказку про Семёна прямо сегодня. Роман сказал:

— Завтра.
Ася прищурилась.
— Это папино “завтра” или настоящее?
Он посмотрел на меня.
Я молчала. С трудом. Но молчала.
— Настоящее, — сказал он.
Ася ушла довольная.
Мы остались в кухне вдвоём.
— Первый день, — сказал Роман.
— Я тоже его заметила.
— Вы нарушили несколько правил.
— Зато ни один диван не пострадал.
— Пока.
— Люблю ваш оптимизм.
Он положил на стол распечатанный лист.
— Это обновлённое расписание на завтра. Я внёс тридцать минут свободного времени после школы без заранее утверждённого занятия.
Я посмотрела на лист.
Потом на него.
— Вы сами?
— Да.
— Добровольно?
— Вера.
— Простите, уточняю масштаб исторического события.
— Не злоупотребляйте.
— У вас тоже есть такая фраза? Прекрасно. Буду знать, где заканчивается терпение.
Он смотрел на меня спокойно, но уже не так закрыто, как утром.
— Вы считаете, что это поможет?
— Не сразу. Дети сначала будут проверять, правда ли это свобода или просто новое правило в красивой шапке.
— И что мне делать?
Вопрос был короткий.
Но мне почему-то стало очень тихо внутри.
Роман Ветров спрашивал не как босс, который требует инструкцию. Не как человек, привыкший покупать решения. А как отец, который, возможно, впервые за долгое время признал: его порядок не отвечает на все вопросы.
— Не отбирать свободу при первой неловкости, — сказала я. — И иногда участвовать, а не проверять.
— В замках из подушек?
— Для начала можно просто не выглядеть так, будто подушки подают в суд.
Он посмотрел на меня, и я снова увидела ту самую почти-улыбку.
— Постараюсь.
— Осторожнее, Роман Андреевич. Вы сейчас звучите как человек, который допускает развитие сюжета.
— А вы звучите как человек, который слишком доволен собой.
— Я няня на испытательном сроке. У меня мало поводов для радости, приходится использовать каждый.
Он взял лист с расписанием, но не убрал сразу.
— Вера Соколова.

— Да?

— Спасибо за завтрак.

— За кашу?

— За смех.

Я не нашлась, что ответить шуткой.

И это было тревожным знаком.

Поэтому я кивнула, взяла сумку и ушла переобуваться, пока не начала привыкать к тому, что строгий папа иногда умеет говорить просто.

В прихожей меня ждала куртка, папка и Марк.

Он стоял у лестницы с таким видом, будто оказался там случайно. Очень убедительно, если не знать, что дети случайно появляются только там, где им очень нужно что-то услышать или сделать.

— Тебе домой? — спросил он.

— Да.

— Завтра придёшь?

— Если ваш отец не передумает из-за подушечной архитектуры.

— Не передумает.

— Уверен?

— Ася теперь ест кашу, если у неё есть лицо. Он такое не упустит.

— Вы слишком циничны для своего возраста, Марк Романович.

— Просто наблюдательный.

Он протянул мне сложенный листок.

— Это не мне. Это... ну, для работы.

— Для моей?

— Для общей.

Я взяла листок.

— Открывать сейчас?

— Дома.

— Почему?

— Потому что тут камеры.

Он сказал это буднично.

И ушёл наверх.

Я посмотрела на сложенный листок у себя в руке. Потом на угол холла, где действительно была маленькая камера. Потом на лестницу, где исчез Марк.

На улице меня встретил прохладный вечер и тот самый пушистый пёс, сидевший у охраны с видом постоянного сотрудника. Охранник сказал, что хозяева уже нашлись и скоро заберут беглеца.

— Видишь, — сказала я собаке, — у всех сегодня испытательный срок.

Дома, уже в своей маленькой кухне, где кружки стояли как хотели, а стул у окна был завален шарфом, я развернула листок Марка.

На нём крупными печатными буквами было написано:

“ОПЕРАЦИЯ: ПАПА СТРОГОГО РЕЖИМА”.

Ниже — три пункта.

Научить папу смеяться не только случайно.

Проверить, умеет ли папа говорить “да” без совещания.

Не дать Вере уйти через две недели.

Под списком была подпись Аси кривыми буквами:

“Я СОГЛАСНА”.

И маленький рисунок Семёна-динозавра с флажком.

Я долго смотрела на этот листок.

Потом аккуратно положила его рядом с расписанием Романа Ветрова.

Два документа одного дома.

В одном было написано, когда детям есть, учиться, гулять и ложиться спать.

В другом — как спасти папу от него самого.

И, кажется, меня только что официально назначили главной по невозможному.

Завтрак по уставу

На следующее утро я пришла к дому Ветровых в семь сорок две.

Без собаки.

Без мокрого подола.

И с папкой, в которой лежали два документа: официальный распечатанный график Романа Андреевича и неофициальная операция Марка с Асей под названием “Папа строгого режима”.

Сказать, что второй документ нравился мне больше, — значит ничего не сказать. Первый был длинный, ровный и пах контролем даже через бумагу. Второй был написан печатными буквами, украшен Семёном-динозавром с флажком и обладал такой силой семейного отчаяния, что я всю дорогу в такси смотрела на него и думала: “Вера, ты снова влезла туда, где нормальные люди сначала читают условия, а потом убегают”.

Я не убежала.

Во-первых, мне нужна была работа.

Во-вторых, Ася вчера спросила, приду ли я снова, таким голосом, будто от этого зависел не м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.